

Елена Офицера

**Помнить
нельзя
забыть**

Елена Офицерова

Помнить нельзя забыть

«Издательские решения»

Офицерова Е.

Помнить нельзя забыть / Е. Офицерова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851995-6

Алла Борисовна Демидова — скромная пятидесятилетняя женщина. Работает экономистом в торговой фирме уже двадцать лет. Одна вырастила сына и выучила его на врача. Все окружающие уважают ее за доброту и покладистый характер. Коллеги ценят как грамотного и трудолюбивого работника. И никто не знает о ее тайном прошлом. Спустя тридцать лет, оно настигает ее. И имя этому прошлому — Афганистан.

ISBN 978-5-44-851995-6

© Офицерова Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

ПОМНИТЬ НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ

Елена Офицерова

© Елена Офицерова, 2017

ISBN 978-5-4485-1995-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

– Ну? Что будем дарить на юбилей Алле Борисовне? – Спросила начальник планово-экономического отдела торговой фирмы своих коллег.

– Ой, Мариночка Ивановна, – всплеснула руками экономист по труду Любочка – стройная двадцатипятилетняя блондинка с излишне эмоциональным характером. Девушка вскочила со своего места и выбежала на середину кабинета, усердно жестикулируя руками в такт своим словам. Одетая она была в короткую синюю юбку и белую ажурную блузку, так идущую к ее милостивому личику.

– А давайте подарим ей напольные часы. Ходики. С громким боем. Оригинально и со вкусом. – И она захлопала в ладоши, радуясь такой замечательной идее, пришедшей ей в голову.

Любочка была добродушная и доверчивая девушка. Ее называли таким уменьшительно-ласкательным именем за ее детскую наивность и прямоту. Она работала в этом коллективе три года, и за это время успела заслужить всеобщую любовь. Веселая и жизнерадостная, всегда спешащая на помощь любому, кто в ней нуждался, она разговаривала с людьми ласково с неизменной улыбкой на лице.

– Ага. И будет она от этого боя шархаться каждые полчаса, – неторопливо отгачивая карандаш, проговорила экономист по планированию Виктория – одинокая тридцатипятилетняя женщина.

Семейная жизнь у нее не удавалась. Все ее попытки познакомиться с мужчиной и выйти за него замуж заканчивались провалом. Да и никто из мужчин не рвался соединить свою жизнь с хмурой некрасивой, вечно ворчащей пессимисткой с короткими неухоженными волосами какого-то непонятного цвета, напоминающего грязь на дороге. К тому же одевалась она, мягко говоря, немного странно. Модные вещи, но абсолютно разного стиля и покроя как будто сваливались в одну кучу и из этой кучи, случайным образом, выхватывались платья, юбки, блузки, сумки, и все это прикладывалось к ее нескладной фигуре, озадачивая окружающих и вызывая негативные эмоции своим кричащим видом.

– Ну, Викочка, – Люба в отчаянии заломила руки.

– Не называй меня так! – вскипела Виктория и бросила на стол точилку с торчащим из нее карандашом. – Сколько раз говорить?

– Прости, прости, – девушка подбежала к ней и с виноватым видом заглядывала в глаза. – Я забыла, прости. Больше не буду.

– Ладно, – отмахнулась женщина. – Иди уже.

– Можно подарить настенные часы, – предложил Леонид – экономист по маркетингу, единственный мужчина в их женском коллективе, не считая, конечно, директора. – Я видел в магазине. Круглые и красивые, и без всякого боя.

Он схватился за узел галстука, оглядываясь по сторонам. Когда он волновался, то всегда что-нибудь поправлял в своей и без того безупречной одежде. Ему было под сорок лет, он был женат и имел двоих детей.

В этой фирме Леонид работал уже десять лет. Скромный и застенчивый, гладко выбритый и аккуратно одетый, в своем неизменном сером костюме и сверкающей белизной рубашке, всегда при галстуке, он был отличным специалистом в своем деле. К его мнению прислушивались как коллеги, так и начальство. Но когда он говорил, хотя происходило это крайне редко, то всегда волновался, как первоклассник у доски, будто боялся, что скажет что-то не так и вызовет осуждение своих слов со стороны окружающих.

– А можно и овальные, с римскими цифрами – тихо предложила практикантка Наташа.

Студентка экономического факультета, она пришла к ним на преддипломную практику почти три месяца назад. Кареглазая девушка с длинными рыжими волосами быстро нашла

общий язык с коллегами. В отличие от Любочки характер у Наташи был уравновешенный и немного флегматичный. Но она отлично вписалась в этот коллектив и даже придирчивая Вика не находила у нее никакого изъяна.

– Значит решено. – Марина Ивановна потерла свои мужские руки и хлопнула ими по столу. – Дарим настенные часы. У нее дома таких нет. Я точно знаю.

Она встала из-за своего стола, стоящего возле окна, рядом со столом Аллы Борисовны, и со вздохом потянулась.

– Все. Пошла к директору выбивать деньги, – решительно сказала она и вышла из кабинета.

Марина Ивановна Погодаева и Алла Борисовна Демидова дружили между собой с самого начала образования этой торговой фирмы. А это, ни много ни мало, уже двадцать лет. Марина была на год старше Аллы. Обе жили без мужей, но у каждой был ребенок. У Марины муж умер еще молодым от неизлечимой болезни, а у Аллы его вовсе не было. Она была «мать-одиночка», так называли тогда женщин, родивших без мужей, в Советском Союзе. Сейчас Советского Союза уже не было, а словосочетание еще кое-где осталось.

У Аллы Борисовны сын Вадим, окончив школу, уехал в Москву, выучился на врача и устроился работать там же в частной клинике заведующим отделением. Был на хорошем счету у начальства и строил успешную карьеру. У него тоже был сын – пятилетний Юра – внук Аллы Борисовны.

Стройная пятидесятилетняя женщина с короткой темной стрижкой, с зелеными глазами и привлекательным лицом, добродушная и вежливая Алла обладала, тем не менее, стойким характером и железной выдержкой.

Она пришла работать в эту фирму со времени ее образования и сразу зарекомендовала себя грамотным экономистом. Сюда же пришла и Марина Ивановна. Они подружились и стали работать плечом к плечу в плановом отделе.

Фирма занималась поставкой и сбытом крупных оптовых партий продовольственных товаров. Сначала по городу и области, а потом, благодаря дальновидному экономическому планированию, и по всей стране.

Директору – Зимину Геннадию Петровичу – сразу понравились эти две одинокие и симпатичные девушки. Он тоже еще не успел жениться, торопясь построить карьеру. Они крепко сдружились между собой. Им всем было по тридцать. Они были близки по духу, имели одинаковые увлечения, занимались спортом и оптимистично смотрели на жизнь.

Тогда, «в лихие девяностые», трудно было пробиваться в бизнесе. Кровью и потом начинающих бизнесменов заливалась эта не мощеная ничем дорога. Наглые наезды рэкетиров, жирующих на костях коммерсантов, поджоги складов с продукцией за упрямый нрав не желающих платить дань, вымогательство и пытки, вплоть до ликвидации неудобных – через все прошла эта «Великая троица» как они себя называли. Сражались не на жизнь, а насмерть. И – выстояли.

Фирма росла, крепла и за двадцать лет превратилась в солидную торговую компанию, сотрудничающую с отечественными и иностранными партнерами.

Она считалась крупной даже для большого областного города в центре России, в котором находилась. Офис фирмы располагался в невысоком двухэтажном доме, построенном купцом Разумовским еще в восемнадцатом веке в модном тогда греческом стиле. Шесть колонн на крыльце поддерживали уютный балкончик с фигурными каменными перилами. Высокие узорчатые окна придавали дому величественный вид. Сзади дома был разбит небольшой сад с каменными ротондами и цветниками.

Директору Зимину нравился этот дом с детства. Мальчишкой он всегда любовался им, проходя мимо, по дороге в школу. Потом, когда он выучился в Москве и приехал в родной город, он снова увидел этот дом. Тот стоял заброшенный с заколоченными досками окнами,

с поросшим сорняком садом. Огороженный высоким забором, дабы не портить центральную улицу своим унылым фасадом, дом стоял и потихоньку разрушался. Денег в бюджете города не было даже на восстановление памятников архитектуры, а тут какой-то старый дом.

Как только Геннадий Петрович крепко встал на ноги на пути развития своего бизнеса, он сразу же выкупил этот дом у городской управы, отреставрировал его, придав былой вид, и разместил в нем офис своей фирмы.

Места хватило как раз, чтобы разместить пятьдесят человек персонала, работающего в офисе. Еще были несколько торговых площадей в центре города и складов на окраине с многочисленным штатом сотрудников.

Алле Борисовне Зимин был обязан жизнью. Двадцать лет назад на начинающего бизнесмена наехали рэкетиры. Он не стал прогибаться под них и отказался платить дань. И они приехали убивать его. На складе один из бандитов выстрелил в голову Геннадия Петровича, но Алла Демидова успела ударить по руке с пистолетом сверху вниз и пуля попала в ногу Зимину. Тут подоспели работники и охрана склада, и бандитам пришлось убраться восвояси.

С тех пор Геннадий стал хромать на одну ногу и очень комплексовал из-за этого. Поэтому с женщинами у него ничего не получалось. Да и некогда было. Нужно было укреплять достигнутые рубежи бизнеса, а на это уходило много времени и сил.

В знак благодарности он сделал предложение руки и сердца Алле Борисовне. Но она четко дала понять, что больше, чем крепкая дружба их отношения развиваться не будут. Что у нее всего два занятия в жизни – сын и бизнес. Тогда он дал себе слово, что навсегда останется холостяком и что это совсем не плохо, а даже комфортно с какой-то стороны.

Марина Ивановна попыталась было достучаться до его одинокого сердца, но, не добившись результата, тоже оставила попытки снова выйти замуж и занялась бизнесом и сыном.

Все эти обстоятельства не помешали им остаться хорошими друзьями.

– Подумать только, нам уже по пятьдесят, – громко вздохнула Марина Ивановна в кабинете Зимина, когда пришла за деньгами для подарка Алле Борисовне. – Вот летит время.

Она встала и размашистой походкой подошла к окну, выходящему в сад. Погодаева была крупной женщиной с массивной прической из обесцвеченных волос, широким симпатичным лицом, на котором выделялись густо подведенные черным карандашом голубые глаза и крашенные ярко-красной помадой губы.

– Нам с тобой в прошлом году юбилей были, – задумчиво сказала она, глядя через раскрытое окно на зеленые кудрявые березки, качающиеся на легком летнем ветерке. – А Алке через три дня будет.

– А где она, кстати? – спросил Зимин.

– Ты что забыл, Ген? – повернулась Марина к другу. – К ней же сын на юбилей приезжает из Москвы. С внуком. – И она широко улыбнулась. – Встречать поехала.

– А вот сноха почему-то не приезжает, – с тонкой иронией заметила она, садясь в кресло напротив директорского стола.

– Ну, она же в посольстве работает, – проговорил Геннадий Петрович. – Там строго. Могут и не отпустить.

– Да ладно, – отмахнулась женщина. – Вечно ты всех оправдываешь.

* * *

– Бабуля! – кинулся в объятия Аллы Борисовны внук Юрочка.

Она встречала их в аэропорту с огромным бело-коричневым медведем в руках. Мальчик принялся с восторгом тормошить игрушку, восхищаясь ее внушительными размерами и мягкостью.

– Привет, мам, – Вадим, наклонившись, поцеловал мать в щеку.

Высокий, красивый, черноглазый, с густыми темными кудрями молодой парень, одетый «с иголочки», представлял собой эталон мужской красоты. Алла с гордостью отмечала, что все женщины и девушки в аэропорту оглядывались на ее сына с восторгом в глазах, а юноши смотрели ему в след с завистью. Внук Юрочка был точной копией своего отца.

– А мама на работе, – старательно выговаривая слова, сказал мальчик. – Она не приедет.

Мать и сын переглянулись, и Алла ободряюще кивнула ему головой. За шесть лет брака сына свекровь и сноха – москвичка – виделись всего два раза. Когда Алла приезжала к ним на свадьбу, и потом приезжала на рождение сына. Сама сноха никогда не была в родном городе мужа. Отговаривалась она занятостью на работе.

Но Алла Борисовна на нее не обижалась. Ей было достаточно внимание сына, который обязательно, каждый год, приезжал к ней на день рождения, а в последние три года привозил с собой еще и внука.

– Ну, поехали домой, – женщина счастливо улыбнулась. – Я там стол накрыла для вас.

– А вкусняшки будут? – серьезно спросил Юра.

– Конечно, будут, – рассмеялась Алла и погладила внука по голове.

На следующее утро она с гордостью показывала коллегам по работе две фотографии, которые привез ей сын. На одной из них он стоял на скале возле водопада, а на другой – они с Юрочкой, улыбаясь, стояли на горной тропе. Семья недавно ездила отдыхать в какой-то высокогорный санаторий и фотографировалась там.

– Ах, какой красавчик! – восхищенно воскликнула Любочка.

– Кто? – с иронией спросила Виктория. – Папа или сын?

– Оба! Оба. – Любочка широко улыбалась.

– В этих горах он у тебя как настоящий «абрек». – Марина похлопала Аллу по плечу. – Он и похож на горца. Кто его отец-то по национальности? – И она лукаво подмигнула окружающим.

– Да русский он, русский, – добродушно улыбалась Демидова, пряча фотографии в сумочку. – Пусть они всегда будут со мной.

На столе у Погодаевой зазвонил телефон. Она подняла трубку и через несколько мгновений согласно кивнула:

– Хорошо.

– Пойдем, Алла, – с озабоченным видом сказала она, призывно махнув рукой. – Директор нас вызывает.

Когда они вышли в коридор, она прошептала:

– Голос у него какой-то странный. Не случилось ли чего?

Зайдя в приемную, они сразу же подсели к секретарше Зимина.

– Светочка, – медоточивым голосом начала Марина Ивановна. – Ты же всё, про всех, всегда знаешь. Скажи, не случилось ли чего нехорошего?

– Да нет, Марина Ивановна, – улыбаясь, сказала девушка. – Все как всегда.

Она работала в этой фирме уже пять лет и хорошо успела узнать всех сотрудников. Бесконфликтная, со спокойным ровным характером Света со всеми была в хороших отношениях. Соломенные волосы, уложенные в модную прическу, обрамляли красивое лицо, чуть тронутое макияжем. Приветливая улыбка, не сходящая с ее губ, делала девушку намного моложе ее тридцати трех лет. Одета она была всегда подчеркнуто аккуратно, строгий офисный костюм с юбкой чуть выше колен, светлая блузка под ним и маленькая блестящая брошь на лацкане пиджака, которая менялась почти каждую неделю. Блестящие безделушки были слабостью Светы, и коллеги постоянно на все праздники дарили ей бижутерию, в основном цветные броши из светлого и желтого металла. Они приятно смотрелись на черном костюме и своим блеском радовали глаз.

– Не знаешь, зачем он нас вызывает? – заговорщически прошептала Погодаева.

– У него там гости, – так же шепотом ответила Света. – Военные. Может им надо чего-нибудь? – предположила она и пожала плечами.

– Ладно, пошли, – кивнула Марина Алле и решительно постучала в дверь.

Получив разрешение, они вошли в кабинет директора.

– Проходите, присаживайтесь, – Зимин встал со своего места и жестом указал им на стулья возле стола для совещаний. Там уже сидели два человека в военной форме и один в штатском. Геннадий Петрович подошел к ним и сел во главе стола.

– Алла Борисовна, – обратился он к женщине. – Ты, оказывается, скрыла от нас свое боевое прошлое?

Лицо Аллы окаменело, взгляд стал напряженный и злой. Она встала и остекленевшими глазами уставилась в пустоту. Такого чужого лица ее друзья никогда не видели.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – медленно, ледяным голосом произнесла она.

Зимин растерялся. Он тоже встал и непонимающе оглядел собеседников. Посмотрев на Марину, с грохотом отодвинувшую стул и вставшую рядом с Аллой, он виноватым голосом произнес:

– Да вот товарищи из Федеральной службы безопасности говорят, что ты воевала в Афганистане.

– Я НЕ воевала в Афганистане, – отдельно и четко проговорила Алла тем же голосом.

Геннадий Петрович вопросительно посмотрел на военных.

– Может ошибка? – вежливо спросил он.

– Нет никакой ошибки, – твердо ответил один из них – полковник ФСБ.

– Вы – Демидова Алла Борисовна – двадцать восьмого августа тысяча девятьсот шестьдесят второго года рождения. Так? – резко спросил он, обращаясь к женщине и пристально глядя ей в глаза снизу вверх.

– Так, – ответила она и выдержала его взгляд.

– Вы были призваны в ряды Советской Армии в сентябре тысяча девятьсот восьмидесятого года и проходили службу в группе особого назначения «Зеро» Комитета государственной безопасности Советского Союза под позывным «Скорпион». Комиссованы по ранению в июле тысяча девятьсот восемьдесят третьего года в звании капитана Советской Армии. – Он сделал многозначительную паузу и снова спросил, – Так?

– Это секретная информация, – уступая его натиску, ответила Демидова. – Я давала подписку о неразглашении.

– На двадцать пять лет, – констатировал полковник. – А прошло уже тридцать.

– В этом году были рассекречены архивы КГБ, – мягко начал объяснять другой военный – майор ФСБ. – Мы ищем ветеранов Афганской войны, которые были засекречены или работали под прикрытием.

– Зачем? – резко спросила Алла.

– Ну, затем..., – растерялся майор, – чтобы воздать им должное уважение, почет и славу.

Женщина, усмехнувшись, упрямо мотнула головой в знак неприятия этого ответа.

Зимин и Погодаева во все время разговора стояли с удивленными лицами и переводили непонимающие взгляды то на людей в форме, то на свою коллегу.

– Молодец, капитан. Ты никогда не сдавала своих позиций.

Все резко повернулись в сторону говорившего.

Это был седой старик, в темно синем костюме и белой рубашке с галстуком. Он встал из-за стола, выпрямился во весь свой высокий рост, и сразу же стала заметна военная выправка, вырабатываемая за годы службы у кадровых офицеров и остающаяся на всю жизнь.

Алла Борисовна сделала шаг в его сторону и внимательно вглядывалась в незнакомца. На ее лице тенью пронеслись воспоминания. Наконец, она узнала его, и ее глаза невольно наполнились слезами.

– Товарищ майор, – только и смогла выговорить она дрожащим голосом.

– Генерал-майор, – поправил ее старик. – Правда в отставке, – добавил он тут же и пошел к ней навстречу, широко раскинув руки.

Женщина бросилась к нему в объятия и зарыдала.

Тридцать долгих лет она держала свою волю в стальном кулаке. Тридцать лет не давала ни одной слезинке упасть из своих глаз. Она должна была быть сильной, чтобы выжить в этой жизни. И не просто выжить, но и дать достойную жизнь своему сыну.

Все эти годы она за что-то боролась. Сначала за жизнь, когда попала в госпиталь с пулевым ранением в затылок после очередной спецоперации в Афганистане, затем за право быть счастливой, когда людское осуждение за ребенка без мужа зашкаливало за все мыслимые и немыслимые нормы поведения. Потом была битва с ошалелой от вседозволенности и безнаказанности «братвой» за место под солнцем, когда надо было не просто жить, но и тащить за собой начинающийся бизнес – единственную надежду на лучшее будущее.

Алла давным-давно похоронила эти тяжелые воспоминания и в бессонные ночи своего одиночества боролась сама с собой, чтобы они не воскрешали в ее памяти.

Но сейчас вся эта лавина прошлого нахлынула на нее и в один миг прорвала несокрушимую преграду, которую женщина выстраивала годами.

– Игнат Иванович! Игнат Иванович, – повторяла она сквозь рыдания.

Генерал в отставке успокаивал ее, как мог, хотя сам еле сдерживался от нахлынувших чувств.

– Не плачь, дочка, – гладил он ее по голове. А голос его предательски дрожал.

Время как будто остановилось. Никто из присутствующих не смел нарушить эту гнетущую тишину. Ни ошеломленные случившимся Геннадий с Мариной, ни суровые федералы. Были слышны только всхлипы Аллы Борисовны на плече у генерала.

– Посмотри-ка, что я тебе привез, – бодрым голосом вдруг произнес он и, взяв за плечи женщину, отодвинул немного от себя, заглядывая ей в глаза.

Ободряюще мигнув ей одним глазом, он взял со стула кейс и положил на стол. Когда он открыл его, все трое подошли поближе, чтобы разглядеть содержимое. Военные, как ни в чем не бывало, сидели на своих местах, привыкшие ко всяким жизненным переворотам.

С губ Геннадия и Марины сорвался возглас удивления и восхищения от того, что они увидели перед собой. Алла по-детски широко улыбалась.

– Мои награды, – прошептала она и благодарно кивнула старику.

В кейсе на красной подушечке лежали, аккуратно приколотые, боевые ордена и медали. Там были два ордена «Красной звезды», несколько медалей «За Боевые заслуги», «За Отвагу» и другие награды.

«Тринадцать» – подсчитал математический ум Марины Ивановны.

– А вот это подарок на юбилей, – торжественно проговорил Игнат Иванович и взял отдельно лежащую коробочку из кейса.

Открыв ее, он вынул награду и протянул женщине. Она выпрямилась и приняла ее. На раскрытой ладони лежал орден «Красного Знамени» – высокая награда всех времен, приравненная к Золотой Звезде Героя Советского Союза.

– Это за последнюю операцию, – проговорил генерал. – Ты так быстро тогда исчезла, что не удалось тебе его вручить. Все же было строго засекречено, сама знаешь. И не было возможности тебя отыскать. Некоторые думали, что ты вообще погибла.

У Аллы Борисовны подкашивались ноги. Марина Ивановна усадила ее на стул и ободряюще положила ей руку на плечо.

– Давай я отвезу тебя домой, – глядя на ее плачевное состояние, предложил Игнат Иванович. – У меня там машина с шофером. Заодно и поговорим, вспомним молодость так сказать.

– Вы же отпустите ее, товарищ директор? – Обратился он к Зимину.

Тот утвердительно кивнул в знак согласия.

– Ну вот, и ладненько, – совсем по-стариковски сказал генерал, – Пойдем, дочка.

Он взял ее за руку и повел к выходу, прихватив с собой кейс с наградами. Алла покорно шла за ним, отрешенная от всего, со щемящей пустотой в голове и звоном в ушах.

Игнат Иванович был для них – выпускников спецшколы особого назначения – всем: и командиром, и отцом, и учителем, и другом. Он учил их воевать и выживать в той войне. А еще он учил их всяким «премудростям спецназовцев», защищающим и помогающим в их нелегкой службе.

Они просидели всю ночь. Вспоминали прошлое, своих боевых товарищей. Плакали и смеялись.

Накануне вечером к ним зашла Марина и сказала, что директор разрешил ей не приходить на следующий день на работу в связи со сложившимися обстоятельствами.

– Но в пятницу ждем тебя на празднование юбилея, – бодрым голосом сказала она уже в дверях.

Алла кивнула головой.

Рано утром генерал уехал, а женщина еще долго сидела на кухне, чтобы не разбудить сына и внука, мирно спавших в комнате.

Алла стояла возле окна, когда на кухню зашел Вадим.

– Ну, мам, ты даешь, – восхищенно сказал он. – Никогда бы не подумал.

– А Юрочка спит еще? – Спросила женщина и стала накрывать стол к завтраку.

– Да. Пусть спит, – ответил сын. – Он вчера в парке набегался по дорожкам да накатался на каруселях.

Они сели завтракать.

– Вот, значит, где ты научилась так драться? – Сын смотрел на мать, широко улыбаясь. – А я все голову ломал тогда, ну как моя мама смогла отбиться от тех бандитов. Помнишь?

Алла помнила.

В тот день они допоздна засиделись в гостях у Марины. Женщины в складчину купили своим тринадцатилетним сыновьям новую игровую приставку, только что появившуюся в России и считавшуюся верхом мечтаний подростков. Мальчишки никак не хотели отрываться от игры.

Когда Алла с сыном уже подходили к своему дому из-за угла, вдруг вынырнули трое парней, лет двадцати, и преградили им дорогу.

Гоп-стоп в те годы часто практиковался в России. Бандиты грабили запоздалых путников, зная, что действуют почти безнаказанно. Иногда грабеж происходил и в наглую при свете дня. Милиция просто напросто не справлялась с лавиной преступности, захлестнувшей город, да и страну в целом.

– Деньги давай, – сказал один из гопников и протянул руку за сумкой, которую женщина держала в руках.

Она сделала шаг назад, отодвигая сына себе за спину. Но Вадим упрямылся и не хотел отступать. Подросток смело смотрел в глаза бандитам, и в его взгляде читалась решимость настоящего мужчины защищать мать до конца.

– Дайте дорогу, ребята, – спокойно сказала Алла.

– Мечтай, – парни расхохотались ей в лицо.

– Гони бабло, – еле сдерживаясь, проговорил один из них, чуть постарше остальных и дернул сумку женщины.

Она легко отпустила сумку, освобождая правую руку, и, вдруг, этой же самой рукой сильно шлепнула его по лицу, отталкивая далеко от себя. Тот не ожидал такого поворота дела и на мгновение застыл, обалдев от такой наглости. Опомившись, и изрыгая ругательства, он бросился на женщину, отшвырнув в сторону ее сына. Но Вадим не сдавался, снова вставая

возле матери. Двое других пришли на помощь своему поделнику, и они втроем напали на беззащитную жертву. Она ловко отбивалась от них, не давая ударить ни себя, ни сына. Со стороны можно было подумать, что женщина лениво машет руками впереди себя, играя с бандитами. Алла не хотела калечить парней и все думала, что они уйдут, не добившись результата. Но когда один из них достал нож и с налитыми кровью глазами пошел на нее, она поняла, что все намного серьезнее, чем она думала.

Тринадцатилетний Вадим не успел глазом моргнуть, как один из бандитов уже валялся на земле, задыхаясь и хватаясь за горло, получив удар пяткой по кадыку с разворота. Другой стоял на коленях и ошалелыми глазами смотрел в пустоту, качаясь из стороны в сторону. Это Алла ребрами двух ладоней с силой ударила его по ушам. Третий, отлетевший к стене от удара кулаком в челюсть, вдруг вскочил и бросился бежать.

– Это было почти шестнадцать лет назад, – вздохнула Алла Борисовна. – А помниться как вчера.

– Мне в школе никто не верил, – говорил Вадим. – Когда я рассказывал, что моя мама раскидала троих бандитов, все смеялись надо мной. – Он тоже рассмеялся, а потом уже серьезно добавил, – Но я все равно гордился тобой.

Алла, улыбаясь, ласково потрепала черные кудри сына.

В пятницу утром Демидова шла по коридору офиса компании под прицелом множества любопытных глаз. Она видела во взглядах восхищение, удивление и даже неверие в происходящее. Со спокойным видом женщина направлялась в свой кабинет, хотя ноги подкашивались от волнения, и сердце готово было выпрыгнуть из груди. Войдя в кабинет, она, ни на кого не глядя, буркнула приветствие, прошла за свой стол и села, уткнувшись в компьютер.

Минут пятнадцать в комнате висела странная тишина. Казалось, в воздухе летали наэлектризованные частицы, собираясь в маленькие сгустки энергии, те, в свою очередь, соединяясь между собой, образовывали сгустки побольше, а эти, наконец, собрались в большое облако скопленной энергии, готовое вот-вот дать мощный электрический разряд. Не хватало одной, всего одной, маленькой искры.

– Ой, Аллочка Борисовна, – не выдержала Любочка. – Вы, правда, были на войне?

Молния сверкнула и погасла. Гром не последовал. Атмосфера разрядилась. Алла покорно кивнула головой.

«А Вы стреляли из автомата?» «А Вы видели живых душманов?» «Ой, а они, правда, все бородастые и страшные?» «А Вы убивали людей?»

Вопросы сыпались как из рога изобилия. В основном, спрашивала молодежь. Марина Ивановна с состраданием смотрела на свою подругу и молчала. Леонид тоже о чем-то задумался.

– Ну, все, хватит, – Марина хлопнула ладонью по столу. – Чего разгалделись? Может человеку не хочется об этом вспоминать. Это ведь не на танцульки сходить.

Десять пар глаз виновато посмотрели на Аллу Борисовну.

– Тяжело вспоминать? – Сочувственно спросила Вика.

– Тяжело, – вздохнула женщина.

– А Вы, лично, людей убивали? – со сквозившей строгостью в голосе снова спросила молодая женщина.

– Это война. Не танцы, – ответила Алла. – Правильно Марина Ивановна сказала.

– А, правда, что вы там убивали мирных жителей? – вдруг, решившись, тихо задал вопрос Леонид, схватившись за свою пуговицу.

Этот вопрос вывел Демидову из равновесия.

– Там не было мирных жителей, – резко сказала она. – Там каждый житель был солдат. Там дети с трехлетнего возраста уже умели стрелять из оружия. И очень хорошо стрелять. Без промаха. Там десятилетняя девчонка-смертница, опоясанная гранатами, подходила, улыбаясь, к нашим ничего не подозревающим солдатам на блок-посту и выдергивала чеку. Она же ребенок, кто ее будет проверять? Там пятнадцатилетний подросток после боя подходил к раненым нашим солдатам и отрезал им головы, чтобы похвастаться перед сверстниками добычей. Он был уверен, что попадет в рай, если убьет неверного. И чем больше он их убьет, тем быстрее пройдет свой последний путь.

Алла в напряжении откинулась на спинку стула. Лицо ее исказила гримаса боли, навеянная страшными воспоминаниями.

– Ужас какой, – прошептала со страхом практикантка Наташа, схватившись за лицо.

Виктория зашипела на Леонида. Марина схватила стакан с водой и поднесла подруге.

– Успокойся, Алла, – тихо сказала она. – Все хорошо.

– П-п-ростите, – заикаясь от волнения, произнес мужчина. – Я не хотел...

Он с виноватым видом стал перекладывать бумаги на своем столе. Руки у него дрожали.

– Да нет, Леонид, – Демидова, успокоившись сама, стала успокаивать и его. – Вы ни в чем не виноваты. Просто на меня что-то накатило.

Она потеряла виски, поморщилась и вдруг, заговорила:

– Однажды мы с ребятами возвращались с задания. Нас было пятеро. Всем по двадцать лет. Шли по кишлаку. За день до этого наши произвели там зачистку, выбили можахедов. Остались мирные жители, как вы говорите. – Она кивнула Леониду, смущенно опустившему глаза в пол. – Так вот. Идем мы по окраине. Ничего не опасаемся. Вдруг, видим, мальчик лет пяти, сидит на камне что-то бормочет и плачет. Мы остановились. Лешка немного знал по-ихнему. Говорит, мол, кушать пацан просит. Он сел возле мальчика на присядки, жалостливо погладил его по голове и стал вытаскивать хлеб с сахаром из вещмешка. Мы дальше пошли, а он остался.

«Сейчас покормлю и догоню, – крикнул нам вдогонку. – Мальчишка говорит, мол, воздаст вам Аллах за доброту и щедрость».

Отошли мы уже на приличное расстояние. Остановились, подождать Алексея. Смотрим, бежит в нашу сторону. Только еще видим, что мальчишка тот встает во весь рост и кидает что-то Лешке в след. И... взрыв. И нет Лешки. Одни куски мяса разлетелись по сторонам. Это он, гаденыш, гранату ему под ноги кинул.

Лешкин друг, Виталик, в горячке всю очередь из автомата в пацана выпустил. А потом, в госпитале с ума сошел, что ребенка убил. А разве это был ребенок? Не зря он сказал про Аллаха. Вот и воздал за доброту.

Все замолчали, лишь Любочка всхлипнула и приложила платочек к глазам.

– Ну, хватит воспоминаний, – решительно сказала Марина Ивановна. – Не забыли? Сегодня сабантуйчик по поводу юбилея Аллы Борисовны.

Коллеги облегченно вздохнули и заулыбались.

После шумного ресторанного застолья всего коллектива компании по поводу празднования юбилея Аллы Демидовой, Марина и Геннадий пошли к ней домой. Там тоже был накрыт стол, за которым ждали друзей Вадим и Юрочка. Еще не было поздно, и внук весело болтал, кочуя с колен Вадима на колени гостей. Каждый хотел потискать пухленького мальчугана, угостить его чем-нибудь вкусненьким со стола.

Наконец, Вадим, попрощавшись с гостями, пошел укладывать сына спать.

Трое друзей сидели за столом на кухне, и пили чай.

– Вот теперь я начинаю понимать, – заговорил Зимин, – почему бандиты нас тогда оставили в покое. Почему с ними случались всякие неприятности после посещения нашего склада.

Он вопросительно посмотрел на Аллу.

– Ведь это ты что-то им делала такое, да? Ты была этому обучена? Там – на войне?

Демидова загадочно улыбалась.

Марина, Алла и Геннадий познакомились на рынке. Девушки бродили в разных концах в поисках хоть какой-то работы, а Зимин узнавал цены на самый ходовой продовольственный товар, собираясь заняться коммерцией на вырученную от продажи трехкомнатной квартиры в центре города кругленькую сумму.

Он громко обсуждал с продавцами спрос и сбыт товара, когда к ним подошла Алла, привлеченная шумом. Она представилась экономистом и вступила в разговор. Проходившая мимо Марина также не осталась равнодушной к теме спора и, остановившись, вносила свои поправки.

Потом они втроем пошли в арендованное Геннадием помещение склада, чтобы обсудить дальнейшие действия по закупу товара. В углу склада фанерой был огорожен закуток, который служил конторой и, заодно, домом начинающему коммерсанту. Девушки сразу поверили этому серьезному молодому человеку, строящему такие громадные планы на будущее. И, как они понимали в силу своей профессии, планы эти были не беспочвенные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.